

DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.069

УДК 821.161.1-31 Достоевский + 279.99 +
+ 94(470)“18”

Ми Сюйян

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия*

**РАСКОЛЬНИКИ В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ПУБЛИЦИСТИКОЙ***

Статья посвящена мотиву раскольников в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. В ходе анализа отмечено взаимодействие текста «Записок...» с публицистикой 1860-х гг. При изображении кроткого образа старика-старообрядца писатель преувеличил серьезность его преступления, чтобы подчеркнуть его бунтарский потенциал. Это перекликается с его дальнейшей полемикой с западниками и славянофилами в статье «Два лагеря теоретиков», где Достоевский отмечает в сторонниках раскола стремление к истине, которое для него является залогом надежды на будущее в русской жизни.

В изображении тюремных бегунов в «Записках...» сказывается возможное влияние статьи А. П. Щапова о сектантских бегунах: у обоих бегство понимается в первую очередь как вид народного протеста. Потребность страдания в «Записках...» свойственна не бегунам, а старику и другому арестанту, причем об очищающей функции страдания, ставшей одной из важнейших тем позднего творчества Достоевского, еще ничего не упоминается.

Раскольник и бегуны в «Записках...» предвещают Макара Долгорукого в «Подростке». Однако раздвоенный образ старика-раскольника все же еще далек от идеального образа Макара. Парадоксальный образ последнего стал зародышем целого ряда героев дальнейших произведений писателя, в которых «гордыня» уживается с «кротостью».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Достоевский; старообрядчество; сектантство; бегун; Щапов; Салтыков-Щедрин; почвенничество.

Церковный раскол является важной темой в творчестве Ф. М. Достоевского. Тем не менее, в современном достоевковедении она остается сравнительно малоизученной. Старообрядческие и сектантские следы в отдельных произведениях писателя выявлены, расшифрованы и проанализированы в трудах ряда исследователей¹. Стоит обратить особое внимание на работу Л. Н. Цой [1995], в которой исследовательнице удалось отметить если не все, то большинство

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность».

¹ Перечислим некоторые самые значительные из них: [Альтман, с. 40–47, 67–72; Дилакторская; Туни-манов, 1971; 1980, с. 136–139; Тусичишный, с. 65–71; Боград; Карпачева]. Раскол в рамках почвенничества и публицистической деятельности Достоевского рассматривался в следующих работах: [Нечаева, с. 195–200; Лазари, с. 111–122].

непосредственно или косвенно связанных с расколом и «народными ересями» эпизодов в художественных произведениях, публицистике и записных книжках Достоевского.

Однако почти все исследователи не обращали особого внимания на весьма явные (по сравнению со многими замаскированными местами в других произведениях) раскольнические мотивы в «Записках из Мертвого дома». Даже в работе Л. Н. Цой, достаточно всесторонней во многих аспектах, допускается ряд неточностей и упущений: «Записки...» рассмотрены исследовательницей только в рамках раннего творчества Достоевского и в качестве воспоминаний. В результате некоторые существенные художественные мотивы были ею проигнорированы, а тесные связи «Записок...» с публицистикой 1860-х гг. и дальнейшими произведениями писателя не были учтены. В данной статье мы пытаемся рассмотреть раскольнические элементы в «Записках...» именно с учетом их взаимодействия с публицистической деятельностью Достоевского.

Старик-старобрядец произвел на автора «Записок...» сильное впечатление [Достоевский, 2015, т. 4, с. 35–36]. Он приобрел всеобщее уважение в остроге. Рассказчик не замечал в нем ни злобы, ни ненависти, ни тщеславия или гордости. Его сообщительный характер и детское простодушие сблизили его с еще одним ангелоподобным героем «Записок...» — черкесским юношей Алеем. Для рассказчика их существование стало как будто лучом света в темном царстве-остроге.

Однако, в отличие от «безгрешного» Алея, старик в свое время совершил «чрезвычайно важное преступление»: чтобы оттолкнуть стародубовских староверов от обращения в официальную церковь, он вместе с другими «фанатиками» сжег «единоверческую церковь». Резкий контраст между его характером и его поступком заставил рассказчика задать себе вопрос: «как мог этот смиренный, кроткий как дитя человек быть бунтовщиком?» [Там же]. Этот вопрос Достоевский задал не случайно, его парадоксальность становится более явной при сравнении текста писателя с документальным свидетельством о преступлении прототипа «деда». Дело в том, что фактически он был осужден не за сожжение церкви, а лишь за «неисполнение <...> обещания присоединиться к единоверцам» [Там же, с. 345].

То, что писатель преувеличил серьезность преступления старика, объясняется, безусловно, цензурными соображениями, но не только этим. Нарочитое отклонение от действительности нередко символизирует скрытый замысел автора. Например, прототип иудея Исаия Бумштейна по архивным данным был православным евреем [Там же, с. 348], между тем наиболее характерные особенности героя связаны с его иудейским вероисповеданием. Можно предположить, что преувеличение серьезности преступления старика, его бунтарского потенциала и, соответственно, контраста такого потенциала с его смиренным видом служит определенной художественной цели.

Для выяснения замысла Достоевского следует обратить внимание на программную статью «Два лагеря теоретиков», написанную немного позднее «Записок...». Полемизируя одновременно с западниками и славянофилами,

писатель в этой статье пытается опровергнуть их теории самой действительностью, частью которой были раскольники, которых он видел в остроге. По теории славянофилов и западников не выходит, «чтоб в расколе было что-нибудь хорошее». Однако Достоевский видит в нем «страстное стремление к истине, глубокое недовольство действительностью» [Достоевский, 1980, т. 20, с. 20–21]. Таким образом, попытка писателя приписать старику из «Записок...» бунтарский потенциал предвещает его полемику с западниками и славянофилами.

Впрочем, вряд ли «теоретики» действительно не ощущали в расколе «глубокого недовольства» народа; напротив, революционеры того времени очень интересовались расколом. Его бунтарский потенциал хотели использовать в своих интересах сначала петрашевцы, а потом, в начале 1860-х гг., лондонские эмигранты [Цой, с. 26–28, 38–41]. Сам Достоевский тоже «думал о сближении с раскольниками», о чем свидетельствуют воспоминания его современников [Миллер, с. 87]. Таким образом, приписывание бунтарского потенциала старику содержит намек на революционное прошлое самого писателя.

Слегка идеализированное изображение деда-старовера в целом совпадает с будущим суждением писателя о расколе — о том, что это «лучший залог надежды на лучшее будущее в русской жизни» [Достоевский, 1980, т. 20, с. 21]. Однако вряд ли Достоевский пытался идеализировать всех раскольников. В Мертвом доме, кроме «деда», обитают еще другие старообрядцы — это «народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени» [Достоевский, 2015, т. 14, с. 36]. Такое раздвоение, вероятно, восходит к сказу «Старец» в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Несмотря на сложное и в основном негативное отношение Достоевского к творчеству Щедрина², «Губернские очерки» оставили немало следов в сочинениях первых послекаторжных лет Достоевского³. Сказитель у Щедрина тоже делил староверов на разные «сорты». Первый сорт — это единичные набожные приверженцы. Они готовы «и смерть принять, и поругание претерпеть — все это даже за радость себе почитают». Второй — уже «разбойники и святотатцы. Это больше всё люди богатые или хитрые <...> Хуже, злее этих людей на свете нет» [Салтыков-Щедрин, с. 374–375]. Хотя Достоевского не удовлетворял однолинейный обличительный характер творчества Щедрина [Достоевский, 1978, т. 18, с. 79]⁴, но, видимо, он все-таки в какой-то степени опирался на последнего.

Журнальная деятельность писателя тоже могла отзываться в его художественных текстах. В начале 1860-х гг. в журнале «Время» появилось сразу несколько статей и рецензий по поводу раскола. Самой значительной среди них

² Даже одновременно с работой над этим эпизодом «Записок...» Достоевский в публицистике иронично отозвался о «Губернских очерках» [см.: Достоевский, 1978, т. 18, с. 60].

³ Например, о реминисценции из «Губернских очерков» в «Дядюшкином соне» см.: [Кибальник, с. 54–63].

⁴ Кроме того, в других очерках Щедрина раскольники представлены довольно односторонне, в негативном свете, что сближает писателя с «теоретиками» западничества у Достоевского, которые видели в расколе «одно русское самодурство, факт невежества».

была статья А. П. Щапова «Земство и раскол. Бегуны». Ко времени ее публикации «Записки...» уже были написаны, однако если учитывать цензуру, которой подверглась статья Щапова, и еще то, что Ап. Григорьев уже в конце 1861 г. обратил внимание редакции журнала на этого историка [Нечаева, с. 196], то можно предположить, что рукопись статьи или, по крайней мере, ее главные мысли были известны Достоевскому задолго до публикации. Поскольку к февралю 1862 г. писатель закончил только начало второй части «Записок...» [Достоевский, 2015, т. 4, с. 336], вполне возможно, что дальнейший текст «Записок...» был написан под влиянием представления Щапова о расколе.

Во второй части число упоминаний о бегстве из острога по сравнению с первой значительно увеличилось. Несколько раз писатель назвал бродягу «бегуном», хотя тот не относился к секте «бегунов», которую исследовал Щапов. В. А. Туниманов справедливо назвал форму духовных поисков свободы бегунами в «Записках...» «естественной, примитивно-грубой» и «почти не одухотворенной» [Туниманов, 1971, с. 43]. Бежали они ради одной свободы, духовная потребность пока не имела места. Однажды писатель уже почувствовал «что-то соблазнительное, какую-то таинственную прелесть» в их бродяжничестве, но вскоре опять вернулся к вольнолюбивому дискурсу [Достоевский, 2015, т. 4, с. 193]. Как ни парадоксально, описание тюремных бегунов у Достоевского очень похоже на представление Щапова о религиозных бегунах, так как в статье последнего внутренние причины бегства тоже не рассматривались: историк сосредоточился в основном на внешней стороне явления. Для Щапова бегуны являются в первую очередь «народной оппозицией против реформ Петра Великого» [Щапов, с. 506]. Бегство стало тихим бунтом: как сектантские бегуны бежали от государства и крепостного права, так тюремные — от острога.

Этим можно объяснить, почему единственным конкретным героем «Записок...», которого рассказчик назвал «бегуном», является «крещеный калмык» [Достоевский, 2015, т. 4, с. 161]. Калмыки известны не только как кочевой народ, но и как вечные изгнанники: они сначала бежали в Россию из-за завоевания Цинской империи, потом значительная часть из них бежала обратно, стремясь избежать принудительного крещения. О побегах калмыков было подробно рассказано в «Истории Пугачева» А. С. Пушкина [Пушкин, с. 94–98], которая была хорошо знакома Достоевскому [см.: Достоевский, 1973, т. 5, с. 51–52; 1984, т. 26, с. 130]. Кроме того, Пушкин не раз подчеркивал важную роль калмыков в пугачевском бунте не только в этом произведении, но и в «Капитанской дочке». Таким образом, в русской литературе в образе калмыка заключены сразу два аспекта народного противостояния власти: бунт и бегство. При изображении «крещеного калмыка» Достоевский, разумеется, тоже следовал этой традиции, что и сблизило его подход со щаповской формулой деления народного протеста на «пугачевщину» и «селивановщину» [Щапов, с. 544].

Бегун-сектант Миколка Дементьев в «Преступлении и наказании» решил принять страдание «не то чтобы за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”» [Достоевский, 1973, т. 6, с. 348]. В мировоззрении Достоевского зрелого периода

страдание как очищение занимает едва ли не центральное место. Позже в «Дневнике писателя» он декларировал: «самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания» [Достоевский, 1981, т. 23, с. 36]. Однако в «Записках...» такую «потребность» испытывают пока только старик-раскольник и «зачитавшийся в Библии» арестант, причем их «потребности» находятся на разных уровнях. Первый считает каторгу «мукой за веру», однако главным для него было «стоять за веру», а страдание оказывается лишь последствием этого. У второго же мученичество было «добровольным, почти искусственным»: он «бросился на майора без злобы, а единственно желая принять муки» [Достоевский, 2015, т. 4, с. 35, 218].

Трудно сказать, к какому из этих типов относятся будущие герои романов писателя. С одной стороны, большинство из них (за исключением Миколки Дементьева и, в меньшей степени, Дмитрия Карамазова) страдает за какой-то конкретно свершившийся факт, как старик-раскольник. С другой стороны, их имманентное обожание страдания и принятие его как выхода из своего положения более напоминает второй тип. Но что касается самих «Записок...», то можно сказать, что в поведении обоих героев пока «о спасительности и благодатности “страдания” ничего не говорится» [Туниманов, 1980, с. 137–138], а рассказчик относится к их поведению даже несколько критически, называя «зачитавшегося» арестанта «сошедшим с ума», а их обоих «отчаявшимися» [Достоевский, 2015, т. 4, с. 218].

Образ Макара Долгорукова в значительной степени несет отпечаток деда-старообрядца. Как отметил В. А. Туниманов, от последнего Макар «“получает” <...> добродушный смех, сообщительный нрав, веселость лика и души» [Туниманов, 1971, с. 53]. Кроме того, странничество Макара тоже может найти свой корень в рассказе о бродягах в «Записках...».

Однако за поверхностным сходством между Макаром и Власом скрывается, как отметил А. С. Долинин, резкое различие. Веселый образ Макара резко противоположен суровому аскетизму Власа и ему подобных, а двойственный жизненный путь Власа (грехопадение — искупление) характерен не для Макара, а для героя его сказа купца Скотобойникова [Долинин, с. 126–133]. Можно судить по аналогии, что «благобразный» Макар противоположен еще и раздвоенному старику-раскольнику. Был Макар и странником, однако он существенно отличался от бродяг, бегунов или скитальцев. Недаром Аркадий Долгорукий, возражая доктору в том, что Макар есть «набожный, а все-таки бродяга», сказал, что «бродяги — скорее мы с вами, и все, сколько здесь ни есть, а не этот старик» [Достоевский, 1975, т. 13, с. 300–301].

Во время работы над «Записками...», как мы видели, под влиянием публицистического дискурса начала 1860-х гг., раскольниковство интересовало писателя в первую очередь своим потенциалом отрицания и бунта, а их духовный мир он не изображал. Однако ему все-таки удалось создать образ старика-раскольника и ряда тюремных бегунов и показать парадоксальное сосуществование в них «пугачевщины» и «селивановщины». Можно предположить, что это

литературные предшественники будущих героев Достоевского — тех культурных раскольников и вечных скитальцев, которым свойственно аналогичное сосуществование «гордыни» и «кротости», «потребность отрицания» и «потребность страдания».

Источники

- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 35 т. СПб. : Наука, 2013—. Т. 1—.
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. М. ; Л. : Наука, 1937–1959. Т. 9, кн. 1.
Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худ. лит., 1965–1977. Т. 2.

Исследования

- Альтман М. С.* Достоевский по вехам имен. Саратов : СГУ, 1976.
Боград Г. Сектант ли Смердяков // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М. : Наука, 2007. С. 508–522.
Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского // *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 59–84.
Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М. ; Л. : Сов. писатель, 1963.
Карпачева Т. С. Образы сектантов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. 2014. Т. 12. С. 252–264.
Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб. : Петрополис, 2013.
Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М. : Наука, 2004.
Миллер О. Ф. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // *Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского*. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1883.
Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М. : Наука, 1972.
Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // *Достоевский и его время* / [под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера]. Л. : Наука, 1971. С. 33–66.
Туниманов В. А. Творчество Достоевского (1854–1862). Л. : Наука, 1980.
Тусичицкий А. П. Идеиные источники образов Ф. М. Достоевского. М. : МГЭИ, 2010.
Цой Л. Н. Проблема раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск : ЯГУ, 1995.
Щапов А. П. Сочинения : в 3 т. СПб. : Издание М. В. Пирожкова, 1906–1908. Т. 1.

Поступила в редакцию 29.05.2017
Принята к печати 11.09.2017

Ми Сюйян

аспирант отдела новой русской литературы
 Институт русской литературы
 (Пушкинский Дом) РАН
 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
 E-mail: mixuyang@hotmail.com

Mi Xuyang

PhD Student,
 Department of New Russian Literature
 Institute of Russian Literature (Pushkin
 House), Russian Academy of Sciences
 4, Makarov Embankment,
 199034 St Petersburg, Russia
 Email: mixuyang@hotmail.com

SCHISMATICS IN F. M. DOSTOYEVSKY'S *THE HOUSE OF THE DEAD*: THE INTERACTION OF AN ARTISTIC TEXT WITH POLITICAL ESSAYS

This article is devoted to the motif of Schism in Fyodor Dostoyevsky's *The House of the Dead*. The analysis marks the interaction of *The House...* with the essays of the 1860s. While depicting the meek image of an old *schismatic* (Rus. *raskolnik*), Dostoyevsky exaggerated the seriousness of his crime in order to emphasise his rebellious potential. This echoes Dostoyevsky's controversy with the Westernisers and Slavophiles in his essay *Two Camps*, where in the advocates of the Schism, he sees aspiration for truth, which he considers a pledge of hope for the future in Russian life. In the depiction of prison runaways (Rus. *beguny*) in *The House...*, one can see the possible impact of A. P. Shchapov's article on sectarian runaways: in both works, escape is understood in the first place as a form of popular protest. The need for suffering in *The House...* is not characteristic of the runaways, but of the old schismatic and another prisoner. Moreover, nothing is said about the purifying function of suffering, which is one of the most important topics of Dostoyevsky's later works.

The schismatic and runaways in *The House...* foreshadow Makar Dolgoruky in Dostoyevsky's *The Raw Youth*. However, the schismatic's ambivalent image is still far from Makar's ideal image. The paradoxical image of the latter became the basis of a series of characters of Dostoyevsky's later works, in whom "haughtiness" is combined with "meekness".

Key words: Dostoyevsky; Old Belief; sectarianism; *begun*; Shchapov; Saltykov-Shchedrin; *pochvennichestvo*.

Acknowledgements

The research is part of the program of fundamental research of the Russian Academy of Sciences "Historical Memory and Russian Identity".

Altman, M. S. (1976). *Dostoevsky po vekham imen* [Dostoyevsky According to the Landmarks of Names]. Saratov: Saratov State University. (In Russian)

Bograd, G. (2007). Sektant li Smerdiakov [Is Smerdyakov a Sectarian?]. In T. A. Kasatkina (Ed.), *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sovremennoe sostoianie izucheniia* [F. M. Dostoyevsky's Novel *The Brothers Karamazov*] (pp. 508–522). Moscow: Nauka. (In Russian)

Dilaktorskaya, O. G. (1995). Skoptsy i skopchestvo v izobrazhenii Dostoevskogo [The Skoptsy and the Skopsy Teachings in Dostoyevsky's Representation]. *Philologica*, 2, 3/4, 59–84. (In Russian)

Dolinin, A. S. (1963). *Poslednie romany Dostoevskogo* [The Last Novels of Dostoyevsky]. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Karpacheva, T. S. (2014). Obrazy sektantov v "Dnevnikе pisatel'ia" F. M. Dostoevskogo [Images of Sectarians in F. M. Dostoyevsky's *A Writer's Diary*]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 12, 252–264. (In Russian)

Kibalnik, S. A. (2013). *Problemy intertekstual'noi poetiki Dostoevskogo* [Issues of Dostoyevsky's Intertextual Poetics]. St Petersburg: Petropolis. (In Russian)

Lazari, A. de. (2004). *V krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo* [In the Circle of Fyodor Dostoyevsky. Pochvennichestvo]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Miller, O. F. (1883). Materialy dlia zhizneopisaniia F. M. Dostoevskogo [Materials for F. M. Dostoyevsky's Biography]. In *Biografiia, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki F. M. Dostoevskogo* [Biography, Letters and Notes from Notebooks of F. M. Dostoyevsky]. St Petersburg: A. S. Suvorin's Press. (In Russian)

Nechaeva, V. S. (1972). *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Vremia". 1861–1863* [Mikhail and Fyodor Dostoyevsky's Journal "Vremia". 1861–1863]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Shchapov, A. P. (1906–1908) *Sochineniia* [Works] (Vols. 1–3). (Vol. 1). St Petersburg: Izdanie M. V. Pirozhkova. (In Russian)

Tsoi, L. N. (1995). *Problema raskola i narodnykh eresei v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [The Issue of Schism and Popular Heresies in the Works of Fyodor Dostoyevsky]. Yakutsk: Yakutsk State University. (In Russian)

Tunimanov, V. A. (1971). Dostoevsky i Nekrasov [Dostoyevsky and Nekrasov]. In V. G. Bazanov, & G. M. Frodlender (Eds.), *Dostoevsky i ego vremia* [Dostoyevsky and His Time] (pp. 33–66). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Tunimanov, V. A. (1980). *Tvorchestvo Dostoevskogo (1854–1862)* [Works of Dostoyevsky (1854–1862)]. Leningrad: Nauka. (In Russian)

Tusichishnyi, A. P. (2010). *Ideinye istochniki obrazov F. M. Dostoevskogo* [The Ideological Sources of F. M. Dostoyevsky's Images]. Moscow: Moscow Humanitarian Economic Institute. (In Russian)

Submitted on 29 May, 2017

Accepted on 11 September, 2017